

ОТ АВТОРА «ДЕВУШКИ С НИЖНЕГО ЭТАЖА»

УДАЧА ... — НА — ... «ТИТАНИКЕ»

СТЕЙСИ ЛИ

ПЕРЕВОД ИРИНЫ МЕНЬШАКОВОЙ

Young
Adult

МИО

МИФ Проза

Стейси Ли

Удача на «Титанике»

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2021

УДК 82-311.6
ББК 84(7Coe)6-442

Ли С.

Удача на «Титанике» / С. Ли — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2021 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-195488-0

У Валоры Лак есть билет на самый большой и роскошный океанский лайнер в мире. И мечта покинуть Англию, чтобы начать новую жизнь в качестве цирковой артистки в Нью-Йорке. Вот только удача отвернулась от нее прямо у трапа: китайцам не разрешают въезжать в Америку. Всего семь дней, пока корабль будет пересекать Атлантику, решат ее судьбу, так что Валора должна попасть на борт любой ценой. Очаровать влиятельного владельца цирка, показав «смертельный номер» на прослушивании. Убедить брата-близнеца отправиться с ней на поиски лучшей судьбы, о которой мечтал их отец. Рискуя, вести двойную жизнь богатой леди из первого класса и нищей служанки. К счастью, для юной акробатки нет ничего невозможного, и Вал оказывается на корабле. Но к счастью ли? Ведь кажется, что «Титаник» заключил пари с самим морем, и самое важное для каждого его пассажира теперь – выжить. На русском языке публикуется впервые.

УДК 82-311.6

ББК 84(7Coe)6-442

ISBN 978-5-00-195488-0

© Ли С., 2021
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2021

Содержание

Список персонажей на борту «Титаника»	8
Королевское почтовое судно «Титаник»	9
Честь и Доблесть	11
1	12
2	17
3	22
4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Стейси Ли

Удача на «Титанике»

Stacey Lee
Luck of the Titanic

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© 2021 by Stacey Lee

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер»,
2022

* * *

Моему любимому сыну Беннету

В этой книге нет ковбоев, но есть моряки

Из восьми китайцев, бывших пассажирами на «Титанике», шесть выжили.

Список персонажей на борту «Титаника»

Пассажиры третьего класса

- Валора Лак
- Джеймс Лак
- Чоу Бо Ва
- Винк
- Олли
- Барабанщик
- Минг Лаи
- Фонг
- Тао
- Хит Бледиг
- Дина Доменик, а также мистер и миссис Доменик

Пассажиры первого класса

- Эмберли Слоан
- Эйприл Харт и миссис Харт
- Шарлотта Файн и миссис Файн
- Альберт Энкни Стюарт и его слуга Кроуфорд (Крогги)
- Дж. Брюс Исмей, председатель и управляющий директор пароходной компании «Уайт Стар Лайн»
- Леди Люси Дафф-Гордон и сэр Космо Дафф-Гордон
- Берта Чамберс

Экипаж

- Капитан Эдвард Смит
- Энди Латимер, стюард первого класса
- Скелет, стюард третьего класса
- Офицер Мерри
- Ква, квартирмейстер
- Старший-на-корабле, старшина корабельной полиции
- Брэндиш, главный пожарный
- Бакстер, портье первого класса

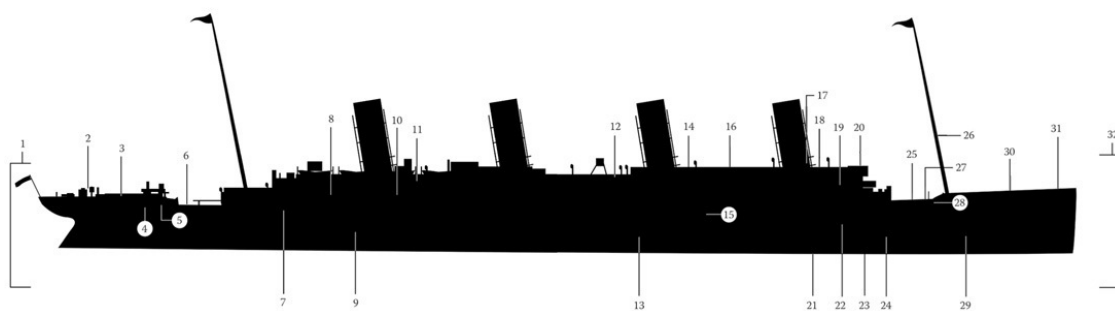
Королевское почтовое судно «Титаник»

1. Корма
2. Стыковочные сходни
3. Палуба полуюта
4. Общая гостиная третьего класса на корме
5. Курительная третьего класса
6. Кормовая стапель-палуба
7. Читальный зал второго класса
8. Ресторан «А-ля карт»
9. Парикмахерский салон второго класса
10. Кафе «Паризьен»
11. Кормовая лестница первого класса
12. Прогулочная палуба первого класса
13. Обеденный зал третьего класса
14. Носовая лестница первого класса
15. Лифты
16. Каюты офицеров
17. Складные шлюпки
18. Спасательные шлюпки
19. Эксклюзивные каюты первого класса (Капустная Грядка)
20. Мост
21. Котельная номер 6
22. Каюты третьего класса
23. Хранилище
24. Корты для сквоша
25. Передняя грузовая палуба
26. Фок-мачта и марсовая площадка
27. Грузовая шахта
28. Общая гостиная третьего класса на носу
29. Грузовой отсек
30. Полубак
31. Якорь
32. Нос

Средняя линия корабля

- Шлюпочная палуба
- Кубрик
- Подпалубная цистерна
- Палуба Е
- Корма
- Парикмахерский салон второго класса
- Левый борт
- Шотландская дорога, коридор третьего класса
- Каюта старшины корабельной полиции
- Коридоры первого и второго классов

- Правый борт
- Плавники
- Нос

Честь и Доблесть

*По палубным доскам шагал капитан,
Вещая своим сапогам.
Они его гордостью были всегда,
Держали, подобно корням.
Того, что на правой ноге, звали Честь.
Он сбиться с пути не давал.
Был Доблестью левый, скажу вам как есть.
И твердости он добавлял.
И вместе они выручали его
Из множества всяческих бед.
Держали на палубе крепче всего,
И в ливень, и в качку, и в шквал.
И он никогда не снимал их с ног,
Даже помыться решив.
Он этим нечасто грешил, видит Бог,
И чаще бороду брил.
И этой обуви почти вышел срок,
Истерлись подошва и швы.
И вот уже Честь протекает чуток,
И Доблесть подмокла, увы.
Взглянул себе на ноги наш капитан,
Его сапоги словно драный кафтан.
Он крикнул: «О, горе!» – и кинул их в море.
И скрылся во тьме капитан.*

1

10 апреля 1912 года

Когда мой брат-близнец, Джейми, покидал меня, он поклялся, что это не навсегда. Всего за неделю до того, как комета Галлея прочертила небеса над Лондоном, он поцеловал меня в щеку и ушел. Одна комета появилась, вторая – скрылась. Но двух лет вдали от дома было более чем достаточно, чтобы прочистить голову даже в черном от угольной пыли трюме парохода. И раз уж сам он не спешит домой, пришло время ухватить эту комету за хвост.

Изо всех сил стараясь не ерзать, я жду своей очереди у трапа для пассажиров первого класса новейшего из океанских лайнеров компании «Уайт Стар Лайн». Крытый коридор, защищающий богатеев от солнечного света, ведет из депо «пароходного поезда» прямо к верхнему трапу. По крайней мере, отсюда далеко до крыс, кишящих в саутгемптонских доках, тянущихся под нами.

Вообще-то, некоторые здесь, наверху, и меня сочли бы крысой.

Супружеская пара передо мной косится на меня с опаской несмотря на то, что на мне одно из элегантнейших дорожных платьев миссис Слоан – серое, цвета акульей шкуры, что как нельзя лучше подходит к ее характеру, с шарфом из черного сетчатого газа, закрепленным на плечах. Но целую жизнь прожив под прицелом подозрительных взглядов, учишься их игнорировать. Разве не удалось мне уже пережить поездку из Лондона? Путь длиною в полдня в битком набитом вагоне дымящего поезда, бок о бок с пропахшим сардинами соседом. И вот я здесь, настолько близко к цели, что, кажется, чую запах Джейми – запах растоптанной травы и молочного печенья, которое он так любит.

Морской бриз остужает мои щеки. Несколькими палубами ниже вся пристань, куда ни глянь, забита зеваками, пялящимися на пароход, шестипалубной громадиной возвышающийся над ними. Над бортами, сверкающими черной полированной обшивкой, поднимаются четыре паровых трубы, настолько большие, что сквозь них легко может проехать поезд. Солидные буквы на борту гласят: ТИТАНИК. На трапе третьего класса в сотне футов слева от меня царит настоящее буйство костюмов: тюрбаны, расшитые кафтаны, ажурные шали с бахромой, тюбетейки соседствуют с привычными котелками и соломенными шляпками. Но я не могу разглядеть там ни одного китайца. Неужели Джейми уже на борту? В такой толпе я легко могла его пропустить.

С другой стороны, он ведь путешествует не один, а с семьей другими китайцами – работниками его компании. Их всех отправляют на Кубу, на новый маршрут, поскольку их пароход встал здесь на прикол после забастовок угольщиков.

Холод разливается у меня внутри. Последнее письмо от него я получила месяц назад. С тех пор все могло измениться. Что, если компания Джейми решила отправить их вместо Кубы куда-нибудь еще, к примеру в Азию или Африку?

Очередь движется. Передо мной теперь всего несколько пассажиров.

Джейми! – зову я мысленно, как частенько играла в детстве. Слышит он не всегда, но меня утешает мысль, что услышит обязательно, если это будет по-настоящему важно.

В Китае появление на свет мальчика и девочки – двойняшек, олицетворения пары «феникс и дракон», – считается удачей, поэтому в честь нашего рождения Ба принес двух молочных поросят, зажаренных бок о бок, как символ общей доли. Кому-то это может показаться жутковатым, но для китайцев смерть – всего лишь продолжение жизни на высшем уровне, вместе с нашими предками.

Джейми, твоя сестра здесь. Найди меня.

Станет ли для него сюрпризом мое появление? Вряд ли, скорее шоком – у Джейми с сюрпризами всегда были сложные отношения, – но я заставлю его понять, что настало время ему... *нам* отправляться на поиски лучшей, более достойной судьбы, о которой всегда мечтал наш отец.

Мне вспоминается телеграмма, которую я отправила брату после смерти отца пять месяцев назад:

Ба ударился головой о бордюр и умер. Пожалуйста, возвращайся домой.
Всегда твоя, Вал.

Джейми в ответ написал:

Получил извещение, надеюсь, ты в порядке.
Жаль, контракт еще на восемь месяцев, бросить не могу. Напиши подробно. Твой Джейми.

Джейми наверняка догадался, что отец был пьян, когда ударился головой, и я была уверена, что скорбеть, как я, он не стал. Когда ты живешь с человеком, чья страсть – бутылка, прощаться приходится задолго до того, как он уйдет на самом деле.

Кто-то за моей спиной откашливается, прочищая горло. Женщина в полосатом костюме мужского покроя, сидящем на ее ладной фигуре, как полосы на зебре, смотрит на меня, изогнув в ироничной улыбке губы с зажатой в них сигаретой. По виду я дала бы ей не больше двадцати с небольшим. Каким-то образом мужской костюм лишь подчеркивает ее женственность, кремовую кожу и темные локоны, ласкающие изящный подбородок. Этим самым подбородком она указывает вперед, туда, где застыл как столб грозного вида офицер с озадаченным лицом.

Я едва ли не прыгаю вперед на носочках, тренированных многолетними упражнениями на канате. Ба стал учить нас с Джейми искусству акробатики, едва мы начали ходить. В иные времена лишь наши представления приносили семье кусок хлеба.

Грозный офицер пристально наблюдает за тем, как я достаю свой билет из бархатной сумочки.

Миссис Слоан, моя нанимательница, подобно дракону сидевшая на куче денег, тайно купила нам обеим билеты. Собственному сыну и невестке она не сказала ни о путешествии, ни о том, что на неопределенное время может остаться в Америке, подальше от их загребущих ручонков и жадных взглядов. И я просто не могла позволить этим билетам пропасть после ее внезапной кончины.

– Доброго дня, сэр. Я – Валора Лак.

Офицер поглядывает на имя, написанное на моем билете, я – на его скулы, такие выдающиеся, что на них вполне может усесться по птице. Его фуражка с броской эмблемой компании – золотой венчик вокруг красного флага с белой звездой – приподнимается, когда он пристально изучает меня.

- Пункт назначения?
- Нью-Йорк, как и у остальных.
- Это что, вопрос с подвохом?
- Нью-Йорк, хм. Документы?

– Они прямо у вас в руках, сэр, – заявляю я, лучась радостью и чувствуя, как тревожаще качается под ногами трап.

Он обменивается настороженным взглядом с матросом, держащим журнал регистрации пассажиров.

- Лак?
- Да.

На кантонском наша фамилия звучит как «Луук», но британцы предпочитают произносить ее как «Лак». Ба решил произносить ее так же в надежде привлечь удачу. Еще он выбрал претенциозные имена – Валор для Джейми и Виртэ для меня¹, вдохновленный матросской песенкой о паре сапог, но мама-британка пресекла его порыв на корню. Вместо этого брата назвали Джеймсом, а мне досталась Валора. Для кого это стало большим облегчением – вопрос спорный.

- Вы китайка, так?

– Лишь наполовину. Мама вышла за Ба вопреки воле своего отца, викария в местном приходе.

– Тогда как минимум одной вашей половине требуются документы. Вы разве не слышали об Акте исключения китайцев²? Вы не можете отправиться в Америку без особого разрешения. Вот такие дела.

- Чт... что?

Меня пронзает укол страха. Акт об *исключении* китайцев. Что это еще за безумие? Нас недолюбливают и здесь, в Англии, но, очевидно, там, в Америке, просто *терпеть* не могут.

– Но на этом корабле должен плыть мой брат и другие работники «Атлантической паровой компании». Все они китайцы. Они уже поднялись на борт?

- Я не слежу за посадкой третьего класса. А вам нужно очистить мой трап.
- Но моя хозяйка будет ждать меня..
- Где она?

К этому вопросу я подготовилась.

- Миссис Слоан хотела, чтобы я прибыла первой и проследила за подготовкой ее каюты.

Конечно, она уже отплыла к совершенно другим берегам, откуда назад не вернуться, и тем самым доставила мне кучу неудобств.

- Мы отправили сюда ее багаж еще неделю назад. Я должна разложить ее вещи.

В этом багаже Библия моей мамы, а среди ее страниц – единственная оставшаяся у меня фотография родителей. Наконец-то моя семья снова будет вместе, пусть даже родителей заменит всего лишь их фото.

– Ну, на этот корабль без специального разрешения вам не попасть. – Он помахал билетом. – Я сохраню это до тех пор, пока она не поднимется на борт. Следующий!

Очередь позади меня начинает роптать, но я не обращаю внимания.

- Нет, пожалуйста! Я должна попасть на борт! Я должна...
- Роберт, выведи девчонку прочь.

Матрос, стоящий рядом с грозным офицером, хватая меня за руку.

Я стряхиваю его руку, пытаюсь добиться хоть немного уважения.

---

¹ Valor (англ.) – честь, virtue (англ.) – доблесть. Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.

² Акт об исключении китайцев (1882–1943 годы) – особый закон конгресса США, изданный 6 мая 1882 года в ответ на массовую иммиграцию китайцев на запад страны.

– Я сама уйду.

Женщина в мужском костюме позади меня отступает в сторону, позволяя очереди идти вперед в то время, как ее глаза цвета янтаря с любопытством оглядывают меня.

– Я видела, как группа китайцев садилась на этот корабль сегодня рано утром, – заявляет она резковатым, уверенным тоном, привычным для американцев. – Может быть, вам удастся проверить, был ли ваш брат среди них.

– Спасибо вам, – отвечаю я, признательная за внезапную любезность.

Мимо меня протискивается какая-то семья, и я теряю собеседницу из виду в вихре людей, чемоданов и шляпных коробок. Вскоре я обнаруживаю, что меня вытеснили назад в депо, словно я кусок неперевариваемого мяса. Миссис Слоан ни за что не потерпела бы такого безобразия. Возможно, богатой леди вроде нее удалось бы убедить их пропустить меня на корабль. Но теперь за меня было некому заступиться. Я спускаюсь по лестнице, а затем выхожу из депо на пристань. Яркий луч, прорвавший хмурые тучи, бьет мне прямо в глаза.

Я полагала, что самым трудным для меня будет попасть на корабль без миссис Слоан. И даже вообразить себе не могла подобных сложностей. Что же теперь? Мне нужно на этот корабль, иначе пройдут месяцы, а то и годы до нашей с Джейми следующей встречи.

Что-то задевает мой ботинок, и меня передергивает. Крыса. Здесь они определенно кишмя кишат, привлеченные продавцами орехов и мясных пирогов. Я отшатываюсь от горы ящиков, в которой стайка грызунов разделяется с дынной кожурой. Речные волны ритмично бьют в обшивку «Титаника», и мое сердце ускоряет ритм от этого звука.

Следуя совету американки, я иду к трапу для третьего класса, расположенному дальше по набережной, ближе к носу. В отличие от первого класса, здесь пассажиры толпятся на трапе, сдвигаясь плотнее при виде меня. Я одергиваю пиджак.

– Прошу прощения, мне всего лишь нужно спросить, на борту ли мой брат. Пожалуйста, позвольте мне пройти.

Мужчина с темными усами резко отвечает мне на незнакомом языке, а затем машет головой в конец очереди. Вокруг кивают, кидая на меня подозрительные взгляды, а затем толпа движется, отрезая мне путь. Кажется, здесь мой костюм леди из первого класса пользы мне не принесет.

Возможно, все было бы совсем по-другому, если бы я была больше похожа на маму, а не на Ба. Я выдыхаю свою обиду на этот и сотни других беспричинных отказов, преследующих меня всю жизнь. А затем иду дальше, к концу очереди, проходя мимо докеров, воюющих с канатами, и офицера в синем мундире, светящего фонариком в глаза людям. Первый класс на болезни они не проверяют.

За носом корабля пара буксиров выстраивается в линию, готовясь выводить «Титаник» с причала. Голоса становятся громче, когда люди видят громадный кран на носу, опускающий грузовую платформу на пристань в десяти шагах от трапа. Ревет гудок, и очередь сдвигается, уступая дорогу блестящему автомобилю «рено» цвета корицы. Он останавливается прямо перед платформой.

Отсюда до трапа я доберусь не раньше чем через час. Но даже если Джейми и на борту, они все равно не позволят мне сесть на корабль без документов. Потом «Титаник» уплывет, и брат будет потерян для меня, возможно, навсегда. Его письма ко мне будут по-прежнему идти к Слоанам, и я никак не смогу узнать, на какой новый маршрут его назначили. Джейми – единственная семья, которая у меня осталась. Я не позволю ему прозябать в котельной парохода, когда он рожден для лучшей судьбы. Великой судьбы.

Женщина с огромными ноздрями бросает на меня подозрительный взгляд, а затем притягивает своего сынка поближе, отчего у того из кулька рассыпаются орехи. Из-за ящика выскальзывает крыса и спокойно принимается за нежданное угощение.

– Держись от этой подальше. Я слышала, они собак едят.

Едва взглянув на меня, мальчишка снова прикипает взглядом к «рено».

Матрос подает сигнал докерам, вставшим по обе стороны от авто.

– Потихоньку. Грузим ее.

Я попаду на этот корабль – со щитом или на щите. Там Джейми, и я не позволю ему уплыть без меня. А что до Акта об исключении китайцев, так пусть сначала из своего глаза все бревна уберут, прежде чем в чужом соломинки искать. Но как мне попасть на борт?

Грузовая платформа покачивается на крюке, и ее размеры как раз дают возможность разместить на ней автомобиль. Матрос дотягивается до платформы и направляет ее, опуская на пристань.

На щите.

Я разгибаю спину, чувствуя, как напрягаются мышцы. На «Титаник» попасть можно не только по трапу.

2

Я прикрываю глаза от солнца. Путь вверх тянется на несколько сот футов, здесь нет ни стен, ни страховочной сетки, на случай если что-то соскользнет с платформы. Мне нужно будет затаиться, пока платформа не начнет подниматься. Автомобиль со своим открытым верхом представляет собой плохое укрытие, но я могу проскользнуть под днище и надеяться, что никто меня не увидит.

Как было в те времена, когда мы с Джейми тайком катались на городских повозках, заскакывая и прыгая незамеченными. Лондон полон отвлекающих внимание вещей. Само собой, обычно нам требовалось всего лишь отвлечь возницу. Корабль с кучей иллюминаторов внезапно нависает надо мной, заставляя воображать сотни следящих глаз. Но еще сильнее давят взгляды сотен глаз здесь, на пристани.

Я судорожно оглядываюсь в надежде найти способ отвлечь их. Может, у кого-нибудь из них есть ружье и мне удастся заставить его выстрелить в воздух. Точно. А там, глядишь, и стая фламинго прилетит прямо из Африки, и военный оркестр пройдет маршем.

Еще одна крыса принюхивается к моему ботинку, голый хвост шевелится позади. Я собираюсь отпихнуть ее, но останавливаюсь. Крыс я не люблю, но в истерику при виде них не впадаю, как невестка миссис Слоан, от криков которой я однажды чуть не оглохла. Хотя, возможно, теперь истерика ждет и меня.

Отойдя от вагонного депо на несколько шагов, я опираюсь спиной о стену и потуже перевязываю ленты шляпки. Миссис Слоан подарила мне эту шляпку, заявив, что из-за узких полей она похожа на садовую тляпку. Я вытаскиваю жестянку с молочным печеньем из сумочки и кладу сумочку на землю, завещая все ее содержимое – в основном дорожные припасы – тому бродяге, который ее найдет. Высыпаю печенье из банки у стены, кроша его каблуком ботинка.

Докеры толкают автомобиль на место, и матрос машет руками.

– Стоп. Жми тормоз! Закрепляем... Шустрее!

Давайте, печенки, проявите свою масляную магию поскорее.

Мужчины работают быстро, прикрепляя колеса к платформе. Конечно, когда крыса нужна, ее не доищешься. Паника когтями впивается в мое сердце. Я покидаю свой пост, обшаривая самые темные уголки пристани в поисках отвратительных тварей. Спустя несколько минут поисков я замечаю пару крыс, догрызающих сосиску, – по крайней мере, я надеюсь, что это сосиска. К горлу поднимается кислота. Я делала и более отвратительные вещи, но, жизнью клянусь, сейчас на ум не приходит ни одна из них.

Я медленно наклоняюсь, разминая пальцы. Прежде чем нахлынут сомнения, я хватаю толстую тварь за загривок.

– Поймала.

Она извивается и шипит, сверкая красными глазками и, вероятно, источая заразу и мерзость. Держу ее, поджав губы от отвращения. Спешу назад к подъемной платформе, обегая

глазами набережную. Нужно найти кого-то с расстегнутой сумкой или большим карманом. Женщина с заколотыми в пучок волосами, открыв рот, смотрит на фок-мачту, закрепленную на носу корабля, капюшон ее старомодного плаща откинут на спину.

Простите меня, мэм, за то, что я собираюсь сделать, и помните, что это ради светлой цели.

Я прячусь за спинами длиннорылых мужчин в бордовых шляпах, идущих в ее сторону. Крыса дергается в моей руке. На цыпочках я подкрадываюсь к женщине и, молясь про себя, опускаю крысу ей в капюшон.

В четыре широких шага я возвращаюсь к платформе, которая уже начала подниматься.

– Сдай назад, парни.

Матрос обходит платформу по периметру, соблюдая расстояние в два ярда. Если моя крыса не возьмется за свои крысиные делишки как можно скорее, платформа поднимется слишком высоко, чтобы я смогла взобраться.

Женщина все еще не кричит. Неужели я умудрилась выбрать в жертвы единственную из миллиона женщин, которую не напугает крыса на ее спине? Может, стоит попытаться взобраться прямо сейчас, взмолившись Господу, чтобы все одновременно моргнули?

Крик, способный вытряхнуть душу из тела, разрезает толпу.

Наконец-то!

Матрос теперь смотрит на женщину и переполох, который она устроила.

Я кидаюсь вперед и вцепляюсь в край платформы, поднявшейся на высоту пояса. Взявшись на нее с ближайшей к воде стороны, я подхватываю юбки, молясь, чтобы добавленный мною вес не перевернул всю платформу. Я воображаю, будто стала легкой, словно перышко, как обычно делаю на канате.

Наконец распластываюсь по платформе и закатываюсь под автомобиль. Но что-то не так. Что-то держит меня. Мой жакет! Рукав зацепился за гвоздь. Я резко дергаю плечом и слышу треск ткани. Затем затаиваюсь под машиной, изо всех сил стараясь слиться с деревянным настилом.

Платформа качается, слышны крики чаек, пролетающих мимо. Я втягиваю воздух. Запахи машинного масла и моего собственного страха наполняют ноздри. Я жду, что платформа может остановиться в любой момент. Что раздадутся крики или свистки констеблей.

Но платформа продолжает подниматься. И до сих пор никто не кричит, кроме моей невезучей жертвы. Господи, сохрани ее от чумы. Я прижимаюсь щекой к дереву. Из тех, кого я могу разглядеть, никто даже не смотрит в мою сторону.

И тут я вижу ее. Девочка не старше пяти, с волосами цвета соломы и глазами размером с блюдца, показывает на меня пальцем.

Я просто иллюзия, деточка. Забудь, что ты видела.

Кран, равномерно тянущий платформу вверх, скрывает девочку от меня. Новые тревоги заполняют мои мысли, когда платформа, покачиваясь, добирается до стапель-палубы «Титаника», готовая опуститься в грузовой люк. Что, если шахта в трюм «Титаника» не оснащена боковой лесенкой, по которой я могла бы подняться наверх? А мне нужно выбраться до того, как платформа достигнет трюма корабля, где матросы точно будут встречать ее, чтобы снять автомобиль.

Платформа замедляется, приближаясь к люку, и мои внутренности скручиваются в узел. Увидев одного из матросов, я забиваюсь поглубже. Он смог бы заметить меня, приди ему в голову заглянуть под машину.

Его лицо блестит от пота, а глаза – от восторга, когда он идет вдоль платформы, любясь машиной.

– Она красотка. Французы умеют их делать. Двадцать пять миль в час – можешь поверить?

Я закрываю глаза и задерживаю дыхание, словно это может помочь мне спрятаться. Кажется, даже кровь застывает в жилах.

Матрос заканчивает обход.

– Опускайте ее.

Урчание мотора и звяканье разматываемой цепи знаменуют мой спуск прямо в пасть судьбы. Звуки отражаются от стен шахты, зажимая меня в кольцо, и свет меняется.

Выкатившись из-под машины, я подползаю к краю платформы и начинаю панически ози- раться в поисках лестницы. Она на *другой* стороне. Мои влажные пальцы соскальзывают с бле- стящего кузова машины, я запрыгиваю на сиденье, чтобы перебраться туда. К моему ужасу, прежде чем я успеваю схватиться за скобу, стена шахты заканчивается.

Платформа медленно минует помещение со скамьями и столами, заполненным пассажи- рами, – третий класс, судя по их виду. Некоторые из них смотрят, как я падаю с потолка, все еще цепляясь за сиденье машины. Неподалеку моряк в мундире разговаривает с женщиной, стоя ко мне спиной. Здесь выбираться нельзя. Задерживаю дыхание и жду, пока платформа окажется вне зоны видимости.

На следующем уровне шахта снова становится закрытой. Я встаю на сиденье, а затем хватаюсь за цепь крана. Опираясь ботинками на звенья цепи, я отталкиваюсь, чтобы подняться вверх, пытаюсь лезть быстрее, чем платформа опускается. Кран замирает, даря мне несколько драгоценных секунд, чтобы взобраться повыше. Цепь впивается в мои ладони. И тут она, позвя- кивая, приходит в движение снова. Я продвигаюсь вперед дюйм за дюймом, последними сло- вами костеря свою юбку за то, что тормозит меня. Пот заливает глаза. Конечности вопят от напряжения. Я миную огромное помещение. Если меня кто-то и замечает, возражений это не вызывает.

Наконец появляется лестница, и я поднимаюсь достаточно высоко, чтобы поставить ногу на скобу. Когда я взбираюсь на лестницу, юбка рвется, но теперь я, по крайней мере, уже не спускаюсь вниз. Я делаю перерыв, пытаюсь перевести дыхание.

Затем лезу вверх, скоба за скобой, пока не ощущаю на лице ласковые лучи солнца.

Я выглядываю из люка. В сорока футах внизу у основания крана вспотевший матрос, до этого восхищавшийся «рено», стянул синюю бескозырку и уставился на пролетающую чайку. Никого больше на стапель-палубе нет. Я воображаю, что невидима, как легкий ветерок, а затем перекидываю ногу через край люка. Как можно тише я скатываюсь на сосновые доски палубы.

С громким криком в моем направлении летит чайка, и следом за ней поворачивается смотрящий на нее матрос.

Скройся, крикливая мерзавка.

Матрос для равновесия опирается рукой на основание крана, затем подходит, вытаращив воспаленные глаза.

– О-откуда вы взялись?

Я с трудом поднимаюсь на ноги, чувствуя, как в дыру в юбке залетает ветерок. Рукав моего жакета задрался по локоть. Должно быть, выгляжу я ужасно.

За спиной у матроса слоями многоярусного торта возвышается судовая надстройка, на которой стоит белобородый мужчина с гордой осанкой, и золотое шитье на рукавах его мун- дира сияет, как браслеты. Даже с расстояния в пятьдесят футов я легко узнаю это лицо со всех брошюр: капитан Смит, король этого плавучего дворца. Он опирается ладонями о поручни и наклоняется, вглядываясь в нашу сторону.

Я стараюсь подавить панику, которая, как шелковый платочек на штормовом ветру, гро- зится вот-вот вырваться на свободу.

Ноздри матроса наводят на мысли о дуле дуствольного ружья.

– Я спрашиваю, откуда вы взялись?

Как гласит одна китайская пословица, рука, наносящая удар, может его и отвести. Поправив шляпку, я изображаю один из высокомерных взглядов, которые миссис Слоан использовала при общении с нижестоящими: веки полуопущены, нос вздернут. После месяцев, проведенных в прислугах у старой перечницы, я могу изобразить миссис Слоан достовернее, чем это делала она сама.

– Из утробы матери. А вы?

Вдруг раздается короткий смешок. За моей спиной, опираясь на поручни полубака, стоит знакомая мне американка с трапа первого класса. В алых губах зажата свежая сигарета.

Глаза матроса превращаются в щелочки. Его толстый палец указывает в сторону грузовой шахты.

– Нет. Я видел, как вы вылезли из люка. Иначе почему у вас жакет порван?

– Так вы полагаете, что я вылезла *оттуда*? – Я громко фыркаю. – Да я по скользкой палубе не пройду, не упав. Вот, глядите, порвала жакет. – Тут я машу согнутым пальцем перед его мясистым носом. – На ваше счастье, я не сломала шею.

Дозорные, сидящие на марсе в середине фок-мачты, пялятся на нас во все глаза. Я почти уверена, что они вот-вот начнут бить в колокол в своем похожем на ванну гнезде. Но тут из двери под полубаком, стуча сапогами по палубе, появляется офицер, и я напрочь забываю о дозорных.

Петля галстука стягивает наглухо застегнутый белый воротничок, и присяжные из восьми латунных пуговиц осуждающе взирают на меня с мрачного синего сукна мундира. От одного его вида хочется сброситься с борта корабля для последнего причастия.

– Что здесь происходит?

Матрос утирает пот со лба рукавом.

– Офицер Мерри. Она вылезла из люка.

Офицер Мерри поправляет планшет на груди и грозно смотрит на меня. Кустистые брови нависают над суровым лицом, чье выражение, должно быть, следствие тяжести существования под именем Мерри³.

Прижав руку к груди, я издаю нервный смешок, больше похожий на утиное кряканье.

– Именно это я и сделала. Сразу после того, как спрыгнула с воздушного шара.

– Кто вы? – вопрошает офицер.

Он потребует документы. Моя уловка раскроется. Начинает нервно подергиваться нога, но я переносу вес на нее, заставляя замереть.

– Мне позвать корабельного старшину? – спрашивает матрос.

– Пресвятая дева, да я все видела собственными глазами. – Из-за моей спины выплывает американка в своем обтягивающем, как вторая кожа, костюме. А я почти забыла о ней. – Бедняжка, похоже, как и я, вышла подышать свежим воздухом, а затем споткнулась и зацепилась за кромку люка. Вам повезло, что у нее неплохие рефлексы. Несчастье перед отплытием вряд ли стало бы хорошей новостью.

Я изо всех сил стараюсь не пялиться на нее.

– Мисс Харт. Как я рад вас видеть.

Офицер Мерри пытается изобразить на лице приятное удивление, что равносильно попытке замаскировать запах тухлятины, украсив мясо веточкой петрушки.

Мисс Харт принимается расхаживать туда-сюда с грацией королевской кошки.

– Должна признаться, внутреннее устройство корабля приводит меня в недоумение. Удивительно, что у вас люди пачками не падают в люки. Очевидно, ни одна женщина не приложила руку к его разработке.

---

³ Merry (англ.) – веселый.

Офицер Мерри не может оторвать от нее взгляд, захваченный в плен трепетанием ее роскошных ресниц. Затем прочищает горло.

– Здесь все устроено таким образом, чтобы уважаемые пассажиры, такие как вы, могли наслаждаться своими роскошными номерами, не опасаясь быть потревоженными.

Он кидает взгляд на капитанский мостик и, заметив капитана Смита, коротко отдает ему честь. Капитан кивает и отворачивается.

– И мы бы не хотели, чтобы люди заблуждались насчет того, где им следует находиться.

– И ваше решение – запутать их еще сильнее, если им все-таки довелось заблудиться, – жизнерадостно подхватила она. – Интересно.

– Вам следует отдыхать на прогулочной палубе, а не здесь, в третьем классе. Там подают шампанское. Сейчас самое время познакомиться с вашими соседями-пассажирами. На борту находятся несколько весьма важных персон.

Я напрягаю слух. Из имевшегося у миссис Слоан списка «именитых пассажиров» я узнала, что среди гостей будет мистер Альберт Энкни Стюарт, один из совладельцев цирка братьев Ринглинг. Получив от Джейми письмо, в котором сообщалось, что его экипаж будут перебрасывать на «Титанике», я поняла: это знак, что мне пора снова объединить нашу семью. Мы мечтали о «большом номере» в настоящем цирке с тех пор, как Ба показал нам афишу «Величайшего на Земле шоу П. Т. Барнума и Ко». Мы даже поставили для просмотра номер, называвшийся «Джамбо» – в честь великого циркового слона. И теперь я собираюсь показать этот номер мистеру Стюарту.

– Мать не одобряет моего курения. – Мисс Харт постукивает пальцем по мундштуку, и столбик пепла падает к ее ногам. – Но теперь я готова возвращаться в свои роскошные номера. Полагаю, вы знаете более короткий путь на палубу В. – Она берет его под руку, кивая на маленькую лесенку, ведущую на надстройку. Я не могу не заподозрить, что на самом деле она прекрасно здесь ориентируется.

– Поднять трап, – раздается где-то в отдалении крик, от которого все внутри меня вспыхивает. Я торопливо отступаю к полубаку.

Наконец-то якоря подняты.

Взгляд офицера Мерри преследует меня, тяжелый и давящий.

3

Спустившись по широкой лестнице, расположенной за полубаком, я попадаю в огромное помещение, которое уже видела из грузовой шахты. Яркий свет с открытой лестницы придает ему ощущение простора.

Милостью Божьей я оказалась на трамплине, на шаг приблизившем меня к американским берегам. Но прежде чем отправляться на поиски Джейми, мне необходима еще одна милость – уборная. Судя по ощущениям, мой мочевого пузырь старательно отбивали молотками не менее дюжины мясников.

Я снимаю свой подозрительный пиджак и оглядываюсь в поисках места, где смогу заняться насущными делами.

Слова «Общая гостиная» золотыми буквами выведены на стене. Кажется, название могли бы придумать и поинтереснее. *Очевидно, ни одна женищина не приложила руку к его разработке*, – раздается в моей голове полный насмешки голос мисс Харт.

Я пытаюсь вспомнить схему устройства корабля из схем, запрошенных миссис Слоан, не собиравшейся терпеть ни малейших неудобств в пути. В свое время мы тщательно изучили их, но нелегко ясно мыслить, когда что-то постоянно тебя отвлекает.

От лодочной палубы – самой верхней, где хранятся спасательные шлюпки, – палубы идут от А до Г и в основном совпадают с классом, вроде того, как шерсть делят по качеству. Эта общая гостиная, место сбора третьего класса, расположена в передней части корабля, на палубе D.

Поблизости не видно ни одной уборной, и мне приходится ковылять ниже, на палубу E.

Лестница перетекает в широкий коридор, идущий от левого борта до правого. Если бы «Титаник» был рыбой, этот коридор был бы грудными плавниками, лучшей ее частью. Я присваиваю ему имя «Плавники», тут же представляя, что подобное прозвище понравилось бы мисс Харт: одновременно и запоминающееся, и практичное.

Стюарды в белых форменных кителях со стоячими воротниками и позолоченными пуговицами снуют вокруг, направляя пассажиров к их местам.

Табличка уборной возникает передо мной, как маяк в штормовую ночь, и я с радостью скрываюсь за ней.

Раковины расположены напротив семи кабинок, на каждой из которых висит табличка «Свободно». Я вешаю пиджак на ближайший крючок и торопливо отмываю руки от возможных крысиных паразитов при помощи куска мыла с эмблемой «Уайт Стар».

Когда я захлопываю за собой дверь первой кабинки, внутри вспыхивает электрический свет. Даже в третьем классе здесь все на высшем уровне. Облегчившись, я поднимаю рычаг сзади. Снова мою руки, на этот раз наслаждаясь хвойным запахом мыла.

А теперь на поиски Джейми. Если я обращусь за помощью к одному из стюардов, попросят ли они предъявить документы? Я уже успела оставить о себе неблагоприятное воспоминание у тех, кого надо было бы впечатлить.

Мой порванный пиджак, висящий на крючке, похож на дохлого барсука. Я откалываю газовый шарфик и прикрываю им лицо. Черные точки, похожие на мушки, хорошо скрадывают мои азиатские черты. Под вуалью я могу казаться кем угодно – хоть бы и королевой. Возможно, так мне будет легче передвигаться по кораблю.

Снимаю шляпку и прикалываю шарфик к ленте так, чтобы он спускался до плеч, полностью закрывая лицо. Своего рода модная маскировка, которую вполне может носить состоятельная дама в трауре. Что же до дыры в юбке, я переворачиваю предательницу так, чтобы оборванный лоскут свисал сбоку и не болтался при ходьбе.

Вернувшись в Плавники, я озираюсь в поисках стюарда. Люди – большей частью мужчины – снуют вокруг с багажом в руках в поисках своих мест.

Вспоминая план корабля, я прихожу к выводу, что каюты третьего класса на этом уровне идут по левому борту, а каюты первого и второго – по правому. Миссис Слоан не пожелала остановиться на этой палубе, палубе D, именно из-за совместного размещения разных классов, даже несмотря на то, что планировка корабля предполагала: представители высшего класса и простолюдины никогда не пересекутся. Но раз уж она собиралась путешествовать на слоне, то и место ей требовалось на холке, а не у хвоста.

– В этой части в целях вашей безопасности размещены только мужчины, – объясняет стюард молодой женщине в соломенной шляпке.

Неудивительно, что дамская комната была пуста.

– Правилами мужчинам и женщинам запрещено ходить в каюты друг к другу. Но вам наверняка понравится ваша каюта на корме. Там меньше качает и ближе к полулюту, где пассажиры третьего класса могут подышать свежим воздухом. Просто ступайте по Шотландской дороге⁴. – Он указывает на коридор, протянувшийся по всей длине корабля, как хребет у рыбы. – Это самый удобный путь с носа на корму. По дороге увидите каюты экипажа, но вам просто надо дойти до конца коридора.

Если одиноких мужчин размещают в носовой части, я на верном пути.

– Прошу прощения, сэр?

При виде моей вуали стюард удивленно выпучивает глаза.

– Да, мадам?

– Я ищу Джеймса Лака. Можете подсказать, в какой он каюте?

– Минутку... – Он ведет пальцем по списку. – E-16. Работники «Атлантической паровой компании». Тут неподалеку. – Он указывает рукой на левый борт. – Но, как я уже сказал другой леди, в носовой части могут находиться только мужчины. Я могу доставить от вас сообщение, если вы назовете свое имя.

– Эм, нет, не стоит. Найду его позже. Спасибо, стюард.

Он кивает, и я жду, что он сразу уйдет. Но он остается на месте, словно ожидая того же от меня. Прежде чем он начинает что-то подозревать, я отступаю в дамскую комнату, надеясь переждать там.

Сняв шляпку, я закалываю в пучок выбившиеся из него пряди волос. Бешено колотящееся сердце трепещет под вышитым льном блузки.

Я представляю, как Джейми отнесется к моему появлению. Он, конечно, может принять равнодушный вид, но я обниму его так крепко, что просто выжму все равнодушие до капли. Но что, если он теперь стал другим? Слишком взрослым для моих дурачеств. Что, если за прошедшие годы он обзавелся кривой, как у грифа, шеей и кучей морщин и стал брюзгой, цедящим каждое слово сквозь зубы?

---

⁴ Шотландская дорога – коридор по левому борту на палубе E. Такое странное название было дано в честь одной из главных дорог Северного Ливерпуля, которая проходила вдоль доков. Это был район рабочего класса.

Может быть, стоило предупредить его о моем появлении. Но стали бы на «Титанике» принимать телеграмму для пассажира третьего класса?

Я надеваю шляпу и поправляю вуаль. Хорошая маскировка. Возможно, достаточно хорошая для того, чтобы проскользнуть в первый класс и выяснить местонахождение багажа миссис Слоан.

Через пару минут я выглядываю из двери. Двое ребятишек, несущихся по коридору, замирают и смотрят на меня во все глаза. Я снова захлопываю дверь, пережидая, пока стихнут их восторженные визги, а затем все-таки решаюсь выйти. Быстро добираюсь до маленького трапа по левому борту. Каюта Е-16 теперь от меня всего в нескольких шагах.

Мое сердце практически выпрыгивает из груди, когда я дважды стучу в дверь.

Никто не отвечает, но люди за дверью разговаривают на кантонском. Пусть для ушей европейцев он звучит резковато, но мне напоминает о полном оптимизма голосе Ба, и внутри все сжимается. Я прикладываю ухо к двери.

– Не отвечай, Тао, – ворчит кто-то. – Наверняка это снова тот стюард, похожий на скелет. Минг Лаи уже сказал ему, что нас не интересует их «тотализатор».

Последнее слово он произносит на едва понятном английском.

– Может быть, он пришел наполнить кувшин с водой, – отвечает более легкий голос, должно быть, принадлежащий Тао.

– Барабанщик уже пошел наполнить кувшин. Сядь, старый дурак, и закончи уже свою медитацию.

– Как можно медитировать, когда ты так громко сопишь над ухом?

Я снова стучу и говорю по-кантонски:

– Здравствуйте?.. Я ищу мистера Джеймса Лака.

Говорящие резко умолкают. Дверь открывается, и мужчина с заплетенной в косу бородой, свисающей как сосулька, смотрит на меня, чуть склонив набок голову. По его спине, словно старшая сестра бороды, спускается коса. А вот передняя часть головы выбрита наголо. Китайцы носят такую прическу, выказывая верность династии Цин, хотя теперь, после ее падения, некоторые избавляются от этого знака.

Любопытство на лице мужчины заставляет его выглядеть моложе, даже несмотря на множество седых волос.

– Кто ты?

Судя по легкому голосу, это, скорее всего, Тао.

– Я сестра Джейми, Валора Лак, дядюшка, – отвечаю я, используя принятое среди китайцев уважительное обращение к старшему мужчине. – Он остановился здесь?

Я заглядываю в каюту и вижу два ряда коек. Четыре вещмешка висят на крюках, и на каждом вышита китайская фамилия. К моему смятению, ни один из них не принадлежит Джейми. Его мешок я сшила собственноручно из крепкой джинсовой ткани.

Второй мужчина занимает позицию у одной из коек, пронзая меня взглядом из-под полуприкрытых век. Матросская шапочка венчает черные волосы, свисающие сальными прядями вдоль круглого лица, выражающего недовольство.

И если первый похож на воду, второй напоминает дым. Скорее всего, им лет по пятьдесят, хотя на вид можно дать и все шестьдесят.

Щадя левую ногу, ворчун хромотает к нам, закрыв идущий из иллюминатора свет вместе с прохладным морским бризом. Его верхний резец слишком выпирает, словно одинокий клык. Вытертые матросские брюки залатаны на коленях.

– Джейми никогда не говорил, что у него есть сестра.

Я неверяще хмыкаю.

– Но я есть. Мы близнецы.

Приветственные крики людей внизу на причале сливаются с неистовым стуком моего сердца. Так значит, эти люди знают Джейми. Я очень близко.

Тао тянет за концы своего серо-синего шейного платка с вышитыми на нем буквами АПК. «Атлантическая паровая компания». На ворчуне точно такой же платок.

Я поднимаю вуаль, и на честном лице Тао, словно при виде редкой птички, вспыхивает интерес. Он тыкает пальцем, у которого нет кончика, и я изо всех сил пытаюсь не пялиться.

– Такие же узкие уши, как у Джейми.

– Узкие уши еще не значат, что они родственники. – Ворчун хлопает Тао по плечу. – Зачем она здесь? Наверное, хочет денег. Женщины всегда хотят денег.

– Она хорошо одета. Зачем ей нужны деньги?

– Чтобы одеваться еще лучше, само собой! У нее хитрый взгляд. Женщинам нельзя верить.

Ворчун отталкивает Тао и хватается за дверную ручку. Я морщусь от окатившего меня табачного духа.

– Но я проделала долгий путь, чтобы повидать его. Пожалуйста, скажите, он на корабле? Где я могу его найти?

– Его здесь нет.

Ворчун закрывает дверь у меня перед носом.

– Ты чуть не ударил ее, Фонг, – возмущается Тао. – Негативная энергия вернется к тебе. Щелкает, закрываясь, замок.

Ужас тяжелым камнем ложится на сердце.

– Его нет *здесь* или нет на корабле?

Ответа нет.

– Пожалуйста, дядюшки, если вы его все-таки увидите, не могли бы вы сообщить ему, что его ищет сестра?

Тао пытается что-то сказать, но Фонг обрывает его резким окриком.

– Не болтай! Так она только решит задержаться здесь подольше.

Мое лицо под вуалью пылает. Фонг упоминал еще двоих – Минг Лаи и Барабанщика. Неужели один из них заменил Джейми? Если Джейми нет на «Титанике», у меня впереди очередной долгий путь.

Три резких ноты, раздавшихся откуда-то сверху, сливаются в аккорд, сотрясающий мое тело. Пол под ногами вздрагивает, сообщая о том, что корабль отчалил. Звуки труб, провожающие нас в плавание, звенят в ушах, напоминая вой стаи гончих, от которых ускользнула лиса.

4

Голову выше. Я не стану отчаиваться, пока не обыщу каждый уголок этой посудины. Начну с полуюта, где прогуливается третий класс. Может быть, Джейми решил посмотреть на отбытие судна.

Я плетусь по Шотландской дороге – рыбьему хребту, – ярко освещенному и шумному коридору, отделанному деревянными панелями. Стены, окрашенные белой эмалью, звенят от разноязычного гула, заставляя мою голову звучать в унисон. Я останавливаюсь у питьевого фонтанчика, чьи прохладные струи дарят мне короткое утешение. Затем иду дальше, едва не спотыкаясь по пути о порог двери, помеченной знаком «Водонепроницаемо».

Слева я вижу гудящие стены, украшенные надписями «Котельная шахта», с шестой по первую, теплые на ощупь. Они, должно быть, ведут в котельные на нижней палубе, где кочегары скормливают уголь топкам печей.

Справа от меня находятся спальные места экипажа, расположенные по старшинству: сначала стюарды по классам, затем техперсонал, повара, посудомойки и прочие чистильщики овощей. Дальше спальни персонала уступают место каютам пассажиров. Двери то и дело открываются и закрываются, позволяя мельком увидеть семьи, обустроивающиеся в удобных каютах с аккуратными койками, а иногда даже с раковинами и зеркалами. Меблировка выглядит значительно лучше, чем можно было ожидать в третьем классе, и идеально вписывается в уютное жилое пространство. Всему свое место.

Кроме меня.

Я замедляю шаг, глядя, как двое ребятишек прыгают с верхней койки. Их мать резко оборачивается и хватается сорванцов за уши.

– Прыгнете еще раз – и я сдам вас в кутузку!

Пройдя, судя по ощущениям, несколько миль, я наконец-то вижу последнюю лестницу и иду за толпой на запах морской свежести.

Двумя палубами выше люди снуют туда и сюда по общим залам, как пчелы в улье. В одной, курительной, висит едкий голубоватый дым. В другой, второй общей гостиной, раздаётся звон банджо. Джейми нет и здесь.

Морской бриз овеивает мое лицо, когда я выхожу на кормовую стапель-палубу, которая на пару с носовой поддерживает надстройку. Я карабкаюсь по последнему лестничному пролету на самую дальнюю палубу, непонятно названную полуютом. И тут опять же не помешал бы женский взгляд, поскольку это слово наводит на мысли о нехватке уюта.

Словно по рисунку подковы, я огибаю палубу. Люди, укутанные в тяжелые шерстяные пальто и толстые свитера, отступают при моем приближении. Некоторые мужчины даже приподнимают шляпы. Кажется, вуаль и впрямь круто изменила отношение ко мне.

Над палубой нависает стыковочный мостик, на котором за штурвалом стоит матрос. Когда я объяснила миссис Слоан, что, если «Титаник» дает задний ход, им управляют со сты-

ковочного мостика, она заявила, что готова поехать. Если такое огромное судно, как «Титаник», может дать задний ход, оно достаточно безопасно для нее.

Матрос, стоящий у штурвала, замечает меня, и его низкий лоб прорезают такие глубокие складки, что ими можно пилить дерево.

У меня перехватывает дыхание. Он разглядел, что у меня под вуалью? Или он прогонит меня, потому что я оказалась не на своей палубе?

Но затем он касается бескозырки, приветствуя меня, и быстрыми движениями коротких рук начинает натирать латунные инструменты.

Позади нас Саутгемптон съезжился до размеров кукольного домика, и от этого вида меня бросает в дрожь. Юбкой я стираю капельки морского тумана с перил ограждения.

Прощай, Англия. Прощай, *земля*.

Страх ледяными иглами впивается в спину. Я впервые на корабле. Внезапно сама мысль о том, чтобы проплыть тысячи миль в стальной коробке, кажется не менее дикой, чем пролететь их на воздушном шаре. Но ведь люди постоянно так делают, правда? Кроме того, я на новейшем – и потому безопаснейшем – корабле во всей Атлантике. И у меня есть более важные поводы для беспокойства, к примеру поиски Джейми.

Я опускаюсь на одну из скамей, расставленных с носа до кормы, и пытаюсь придумать новый план.

– Они берут шиллинг за ключ от комнаты, – говорит женщина, сидящая за мной. – Это грабеж.

– Нам не нужен ключ, – отвечает ей мужчина рядом. – Что у нас воровать?

– Мантилью моей матери.

– Вот и я о том же.

Если ключи дают за плату, я могу заглядывать в каждую незапертую дверь, пока не найду Джейми. Хотя навряд ли я далеко заберусь до того, как меня объявят воришкой и упекут в кутузку, если здесь она вообще есть.

Я наклоняюсь влево, взглядом скользя по стапель-палубе и спасательным шлюпкам наверху надстройки, кольцом опоясывающих лодочную палубу. В крайнем случае можно будет спать в одной из них. Конечно, тогда мне не помешает нарастить слой жирка, который защищал бы меня от ночных холодов. Атлантика наверняка будет холодна, как сугроб, особенно когда мы доберемся до льдов Ньюфаундленда.

Голова сама собой вжимается в плечи, но я гордо поднимаю ее.

Под лодочной палубой, на палубе А, женщины в моднейших нарядах в морском стиле и мужчины в элегантных костюмах, лоснящиеся как тюлени, собираются вокруг квартета музыкантов. Вид уровнем ниже, на палубе В, где располагается второй класс, уже не такой впечатляющий. Мысленно я спускаюсь туда, где трудятся «черные» бригады, названные так из-за угля, с которым работают.

Всего десять палуб, ставших домом для двух тысяч пассажиров.

Джейми, смогу ли я вообще найти тебя?

Шмыгаю носом в шаг от того, чтобы утонуть в жалости к себе.

– На этот раз не жуль, Винк, – произносит чей-то голос с акцентом, как у Ба.

У меня перехватывает дыхание. На скамье позади меня два мальчишки-китайца и мрачно хмуриющийся парень постарше сменили супружескую пару и теперь играют в карты. Говорящий сидит посередине, держа карты у самого носа. На вид ему лет одиннадцать-двенадцать. Он тощий как спичка, совсем как Джейми в его возрасте, с большой головой и хрупким телосложением.

– Я никогда не жулю, – ворчит ближайший ко мне мальчишка преувеличенно обиженным тоном *завязтого* жулика. Затем оглядывается на меня. Ему я дала бы около девяти или десяти лет (и совет носить одежду, из которой он не выпадает). Шапка ему явно велика и сползает на

бок, а шейный платок такой драный, что больше похож на веревку висельника. Его по-детски нежные щеки то и дело сводит судорогой, отчего глаз подергивается. Очевидно, этим он и заслужил свое прозвище.

Хмурящийся парень, по возрасту недалеко ушедший от нас с Джейми, закидывает руку, гибкую как канат моста, на спинку скамьи. Мой взгляд цепляется за его кольцо. Оно, похоже, выточено из толстой ракушки и украшено резными круговыми узорами. Я видела резьбу, которую матросы делали на китовых зубах и костях, но на ракушках – ни разу.

– Мы могли бы зарабатывать, показывая людям, как играть в «Ветра перемен», – говорит мальчик-спичка, и голос его звучит еще не по-мужски, но уже и не по-мальчишески.

Я замираю. Джейми придумал эту игру. Он любил карты, хотя, после того как проиграл все наши деньги на еду в покер, поклялся больше никогда не играть на деньги.

Хмурый парень фыркает.

– Ваша единственная работа сейчас – держаться подальше от неприятностей.

А вот это уже голос мужчины. В нем нет тяжелых, басовитых нот, однако он просто излучает спокойную силу. В отличие от мальчишек, щебечущих как птички, он говорит по-английски осторожно, напоминая кота, тщательно выбирающего, куда поставить лапу на скользких перилах.

– Но почему тогда вы с Джейми идете на работу? – спросил Спичка.

При упоминании имени Джейми я подскакиваю на месте.

– Мы старше, а в «Уайт Стар» не нанимают детей.

– Нет, это потому, что вы с Джейми поспорили, кто больше заработает, и не хотите, чтобы мы мешали, – заявляет Винк своим ворчливым тоном, который так не сочетается с его детской внешностью.

– И поэтому тоже.

Пари. Это так похоже на того Джейми, который всегда подначивал меня. Мы прошли через все: соревнования, кто сможет дольше не дышать, кто дольше удержит яйцо на лбу, кто запихнет больше печенья в рот.

Винк выдергивает карту из своего веера.

– Ветра перемен.

– Ты не можешь положить Ветра перемен, пока не сыграна восьмерка, – возражает мальчик-спичка.

Взгляд хмурого парня скользит по мне и останавливается, пытаясь проникнуть под мою вуаль. Четкие очертания его скул так и манят меня провести по ним пальцем, словно по ножу, проверяя качество заточки. Но тут его взгляд скользит дальше, будто я не представляю особого интереса.

– Бо, Олли выдумывает правила, – жалуется Винк.

– Если вы, мартышки, не прекратите спорить, мы будем играть в «Старую деву».

– Боюсь, он прав. Сначала нужно сыграть восьмерку, – слышу я собственный голос. Если это приятели Джейми, значит, он и сам неподалеку, хотя я не вижу рядом больше ни одного китайца.

– Ясно? – радуется Олли, прежде чем по примеру Винка и хмурого Бо уставиться на меня. Я откидываюсь на подлокотник, чтобы одновременно и видеть всех троих, и не создавать искушения заглянуть под мою вуаль.

– Откуда она знает о «Ветрах перемен»? – спрашивает Винк, переходя на кантонский, который, по их мнению, я не понимаю. Его щека снова начинает дергаться.

– Может быть, Джейми соврал, что придумал эту игру, – предполагает Олли.

– Джейми не стал бы врать, ты, коровий зад.

Олли пропускает оскорбление мимо ушей.

– Как ты думаешь, почему на ней вуаль?

Глаза Винка расширяются.

– Может, у нее бородавки.

– Или вообще нет лица.

Бо со смешком поворачивается, и изгиб его позвоночника виден даже под курткой.

– А может, вам обоим лучше заткнуться. Она из первого класса. Слишком хороша, чтобы вы трепали о ней своими языками.

– Если она из первого класса, почему тогда на этой палубе?

– Потому, что первый класс гуляет там, где захочет. Прекратите пялиться на нее.

Но мальчишки продолжают смотреть.

– У меня нет бородавок, а если бы не было лица, то как бы я смотрела на ваши забавные физиономии? – спокойно говорю я по-кантонски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.